Дмитрий С. Козлов
Научно-информационный центр «Мемориал», Санкт-Петербург, Россия

# Две революции, две составные части политического инакомыслия эпохи «оттепели»

Независимая общественная жизнь периода «оттепели» менее изучена, чем сопротивление диссидентов или массовые публичные выступления перестроечного времени. Обращение к протестным акциям 1950–1960-х позволяет более четко очертить траекторию независимого политического проектирования в послесталинском СССР. Нерешенные общественно-экономические проблемы, нежелание государственных органов прислушиваться к инициативам «снизу», репрессии в отношении инакомыслящих стали причинами того, что уже в годы «оттепели» часть критически настроенной интеллигенции отказалась от желания реформировать социалистический строй в СССР. Это разочарование было не только реакцией на действия властей, но и следствием переосмысления наследия Октябрьской революции и опыта реформирования государственного социализма в Восточной Европе 1940–1950-х, понимавшегося как реализация принципов революционного государственного устройства. Используя доступные работы классиков марксизма-ленинизма и художественные произведения о революционерах, инакомыслящие 1950–1960-х формулировали претензии к современному им политическому режиму, переходя в своих текстах от копирования революционной риторики к анализу степени соответствия советской политики революционной теории. Основная проблема государственной власти в СССР формулировалась как забвение



Козлов Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, сотрудник Научно-информационного центра «Мемориал» (Санкт-Петербург). Научные интересы: инакомыслие в СССР, советское неофициальное искусство, самиздат, политический протест, история и социология молодежи, детская литература. E-mail: dmitrys.kozlov@gmail.com
Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Comparing protest actions in Soviet and post-Soviet spaces», организованного Центром изучения Восточной Европы при Университете Бремена при финансовой поддержке Фонда Фольксваген (Volkswagen Stiftung).
Dmitry S. Kozlov — candidate of history, research fellow at the Research and Information Centre “Memorial”, Saint Petersburg. Research interests: Soviet dissent, Soviet non-conformist art, political protests, Samizdat, history and sociology of youth, children’s literature. E-mail: dmitrys.kozlov@gmail.com
Acknowledgments: This publication has been produced as part of the research project “Comparing protest actions in Soviet and post-Soviet spaces”, which is organized by the Research Centre for East European Studies at the University of Bremen with financial support from the Volkswagen Foundation.

принципов диктатуры пролетариата. Идея о том, что бенефициаром Октябрьской революции стала партийная номенклатура, оказывалась созвучна теории «Нового класса» М. Джиласа. Книга югославского философа, предлагавшая вполне марксистский (а значит — более понятный советскому читателю) анализ трансформации политического режима Югославии, настаивала на неизбежности бюрократического перерождения революционного правительства и тем самым ставила под вопрос необходимость предшествовавшей революции. Признание этой неизбежности не только подрывало политическую легитимность существовавшего политического режима, но и отнимало возможность оправдания его через апелляцию к его историческим корням. Это открывало возможность для поиска несоциалистических альтернатив советскому режиму, наиболее заметными из которых позднее стали идеология прав человека и проекты обретения национального суверенитета.

*Ключевые слова:* Венгерская революция 1956 г., инакомыслие в СССР, Милован Джилас, Октябрьская революция, «оттепель», подпольные политические организации.

*Dmitry S. Kozlov, Research and Information Centre "Memorial", Saint Petersburg, Russia*



*The Two Revolutions and Two Component Parts of Political Dissent of the "Thaw" Period*

Independent social life of the "Thaw" period is less examined then dissidents' resistance of the 1970s or mass public actions of Perestroika years. Analysis of the 1950–1960s protest actions allows us to trace changes in independent political projects in post-Stalin USSR. Unsolved social and economic problems, state unwillingness to listen for voices from below, repressions against dissenters stimulated the rejection of the idea to reform Soviet socialism among the part of critical intelligentsia. The disillusion in socialist ideas was not only the reaction on state policy. It was also based on the redefining of the legacy of October revolution 1917 and reforms of the State socialism in Eastern Europe in the mid1950s, which were interpreted as the realization of revolutionary state governance. Dissenters of 1950–1960s formulated their demands to contemporary political regime using accessible classical Marxist-Leninist works and fictional biographies of revolutionaries. Usage of the legacy of the October in their texts varied from copying the revolutionary rhetoric to the testifying of Soviet political regime's compliance to the initial revolutionary theory. Many of them saw the main problem of Soviet state in the forgetting of the principle of proletarian dictatorship. The idea about party nomenclature as the main beneficiary of the October revolution was quite similar to the theory of «New Class» by M. Djilas. The book of Yugoslavian philosopher offered Marxist analysis of transformation of Yugoslavian political regime. He insisted on the inevitability of bureaucratic degradation of the revolutionary government. Acknowledgment of that inevitability did not only undermine political legitimacy of the contemporary Soviet regime but also took away the chance to justify it by appellation to its historical roots. That process

stimulated the search for un-socialist alternatives for the Soviet regime such as the ideology of human rights or struggle for national sovereignty.

*Keywords:* Hungarian Revolution 1956, Milovan Djilas, October Revolution, Soviet Dissent, the "Thaw" period, Underground Political Organizations

doi: 10.22394/2074-0492-2017-2-153-177

Политическая система, выстроенная в СССР в 1920–1940-х, обнаружила черты кризиса уже в последние годы жизни И.В. Сталина. После его смерти стало очевидно, что общество не может находиться в состоянии постоянной мобилизации — многие стороны государственной политики требовали пересмотра. За десятилетие, которое принято называть «оттепелью» (1953–1964), произошли изменения репрессивной политики государства, пересмотр принципов отношения с союзниками по социалистическому блоку и капиталистическими странами, либерализация внутренней жизни. Корректировке на XX и XXII съездах КПСС и на совещаниях коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 гг. подверглись идеологические основания политики СССР. Одним из серьезных вызовов «оттепели» стало «развенчание культа личности Сталина» на XX съезде КПСС (1956 г.). Пусть непоследовательное и неполное, признание ошибочным политического курса последних лет породило во многих гражданах СССР желание самостоятельно разобраться в принципах, по которым должно развиваться социалистическое государство.



В силу неразвитости публичной политики в стране «народное» политическое проектирование «оттепели» ограничивалось написанием теоретических работ, которые затем обсуждались в товарищеских кружках или отправлялись, как правило, анонимно в прессу, партийные и государственные органы. Нередко из дружеских компаний и домашних семинаров вырастали «организации», рассуждавшие о необходимости изменения политического строя[1]. Насчитывавшие не более двух десятков участников, достаточно часто они оформляли свою деятельность уставными документами, формализуя ее в виде «партии» или «союза». Редким группам удавалось реализовать себя в чем-либо помимо организационного строительства и политического теоретизирования — история большинства «партий» заканчивалась арестом участников после первой же публичной акции. Дела нескольких десятков подобных организаций

1 О трудности различения дружеских компаний и подпольных политических организаций еще будет сказано ниже. Наиболее серьезно эта проблема проанализирована в статье Ю. Фюрст [Fürst, 2006].

были доведены до суда, и их участники были приговорены к различным (до десяти лет) срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях по статьям 58-10 «Антисоветская агитация и пропаганда» и 58-11 «Организационная деятельность, направленная на подготовку и совершение преступлений... [предусмотренных статьей 58]» УК РСФСР и по соответствующим статьям уголовных кодексов республик СССР [Новиченко, 2009]. При этом подавляющее большинство подпольных групп 1950–1960-х исповедовало марксистские взгляды и не настаивало на кардинальной смене государственного строя, но лишь на его реформировании[1].

Исчерпывающая картина политического инакомыслия периода «оттепели» еще не написана, но благодаря доступным источникам (документам партийных и комсомольских органов, КГБ, прокуратуры и обширному корпусу опубликованных мемуаров) можно утверждать, что создание неформальных политических групп было преимущественно городским феноменом. В работе подобных объединений участвовали в основном молодые люди и девушки, обучавшиеся во второй половине 1950-х в высших и средних специальных учебных заведениях или старших классах общеобразовательной школы. Как правило, совместная учеба или работа помимо общности взглядов определяли узость круга участников, ограничивая территориальный охват одним населенным пунктом. Связь с другими регионами если и возникала, то благодаря распространению дружеских сетей или из-за переезда участников по причине смены социального статуса (поступление в высшее учебное заведение, распределение в другой регион по его окончанию, смена места работы, женитьба или замужество). Более многочисленные группы и более основательно разработанные политические программы были характерны для крупных городов, в которых существовало больше высших учебных заведений, библиотек и легально действовавших дискуссионных площадок, что расширяло спектр возможных источников информации и способствовало выстраиванию сложно структурированных социальных связей.



Справедливо отмечая эклектичность и наивность политических программ, а зачастую их подражательный и игровой характер, исследовательские работы, посвященные политическому подполью за редким исключением, не пытаются анализировать взгляды участников [Крамола, 2005; Конохова, 2013; Маркасова, 2008]. В ка-

1 Ограниченный объем статьи не позволяет проанализировать проекты обретения национального суверенитета республиками СССР, а также те редкие социалистические программы, которые порывали с марксистской традицией и были сформулированы под влиянием идей революционного народничества и наследия партии социалистов-революционеров.

честве характеристик групп используются их самоопределения, закрепленные в программных документах и воспоминаниях участников: «демократический», «подлинный» социализм, «югославский вариант социализма». Во многом это определяется сложившейся историографической традицией, считающей центром независимой общественной жизни послевоенного СССР правозащитное движение 1960–1970-х. С этой точки зрения события «оттепели» становятся своеобразным прологом к нему [Alexeeva, 1985; Vaissié 1999; Рождественский, 1981]. Впрочем, и для некоторых участников оттепельных кружков социалистические увлечения юности по прошествии времени представлялись промежуточным шагом на пути к либерально-демократическим идеям, «детской болезнью левизны», которой необходимо переболеть в свое время [Григоренко, 1981; Вайль, 1980; Родос, 2008].

Альтернативой «диссидентоцентризму» становятся работы, написанные авторами, которые симпатизируют социалистическим и анархистским идеям и выстраивают своеобразную генеалогию «левого диссидентства», незамеченного на фоне диссидентства либерального [Сергеев, 2012; Казаков, Рублев, 2013]. В этом случае основные силы исследователей направлены на вписывание теоретических разработок «подлинных социалистов» в контекст современной им левой идеи, на поиск влияний на них классиков марксизма и политических мыслителей XX века. «Левые диссиденты» становятся как бы союзниками их младшим единомышленникам в поисках альтернатив уже не только авторитарному социализму СССР, но и современным либеральным демократиям.



Представляется более плодотворным не сравнивать взгляды подпольных социалистов 1950-х с их же более поздними воззрениями, а анализировать их в том историческом контексте, в котором они зарождались и развивались. Толчком к дальнейшим рассуждениям послужила метафора, предложенная Вениамином Иофе, автором одной из первых обзорных работ по истории подпольного сопротивления периода «оттепели», изданной под псевдонимом в самиздатском альманахе «Память». Иофе, который сам в 1960-х был участником социалистической группы «Колокол», иронизируя над эклектичностью идеологии подпольщиков, называл ее «политическим конструктором, где “югославский образец” или “рабочие советы”, были отдельными деталями, из которых можно было надеяться сложить вечный двигатель социальной справедливости» [Рождественский, 1981, с. 230]. С одной стороны, молодые люди действительно работали с готовыми образцами политического поведения (работа конспиративных кружков, распространение листовок, организационные инициативы по созданию «партий»), политическими концептами и идеологическими схемами («революционное

наследие», «ленинские нормы», «культ личности», «бюрократия», «советы»). Но, с другой стороны, конструирование утопического политического изделия из готовых деталей подразумевает, что на конечный результат повлияет как количество и качество исходных материалов, так и изначальная возможность деталей соединяться в определенных комбинациях и, что немаловажно, творческие способности того, кто занимается конструированием (его уровень образования, политические и этические воззрения).

«Революция», являвшаяся одним из наиболее востребованных концептов для конструирования альтернативных политических программ на протяжении всего периода «оттепели», рассматривается в статье с точки зрения политического философа Артемия Магуна, который видит в ней не просто вариант смены политического режима, а длящееся событие переустановки государственно-правовых норм, кладущее конец старому и легитимирующее новый порядок жизни общества [Магун, 2003]. Эта интерпретация не противоречит использованию термина инакомыслящими 1950–1960-х, которые не столько пытались оправдать необходимость новых революционных преобразований или посвятить себя подготовке государственного переворота, сколько проверяли современный им политический режим на соответствие декларируемым революционным ценностям (речь шла в первую очередь о «завоеваниях Октября»). В центре их политических проектов стоял вопрос о революционных формах государственного управления (власть советов, диктатура пролетариата), примеры которых были «предоставлены» послеоктябрьским десятилетием отечественной истории и революционными событиями в Восточной Европе 1940–1960-х годов.



## Октябрь 1917-го. Исторические корни революционных утопий «оттепели»

Октябрьская революция была конституирующим событием советской истории. Она не просто дала рождение новому государству — она оправдывала его существование. Ее итогом стали не только смена политического режима и классовой структуры России, но и новые правовые нормы, этические и эстетические представления. В символическом значении именно Октябрь 1917-го открывал новую эру мировой истории. Телеологичность марксистской философии не позволяла усомниться в том, что вся предыдущая история человечества подводила к социалистической революции, а сама она становилась той ступенью на пути в коммунизм, сойти с которой уже невозможно.

Дальнейшая история СССР могла представляться либо как движение по пути, начатому революцией, либо как отступление с него.

Апелляция к революционной традиции была важным ритуалом, легитимирующим действия государственной власти. Так, критика Сталина Хрущевым в докладе XX съезду КПСС «О культе личности и его последствиях» основывалась на противопоставлении сталинских методов управления непогрешимым «ленинским принципам». Политические репрессии 1930-х неоднократно назывались в докладе «нарушениями революционной законности» [Хрущев, 1989]. Речь при этом шла не столько о юридической оценке «культа личности и его последствий», сколько о десакрализации Сталина. После съезда он перестал восприниматься непогрешимой фигурой, а главное — не Сталин, а Революция вновь называлась источником закона.

Между тем вопрос о том, что такое «революционная законность», и, в частности, по каким нормам велось правосудие после отмены буржуазных законов и до установления социалистических, фактически не был поставлен в публичном пространстве «оттепели». Это противоречие, лежащее в основе самого события революции (переустановка государственно-правовых норм), наиболее ярко было озвучено в полемике между Лидией Чуковской и Михаилом Шолоховым в 1966 г. В ответ на сожаления нобелевского лауреата о том, что писателей Синявского и Даниэля судят по статьям уголовного кодекса, а не «руководствуясь революционным правосознанием», Чуковская [1966] в открытом письме[1] заявила:



> *Годы 1917–1922-е*[2] *памятны нам героизмом, величием, но законностью они не отличались, да и не могли отличаться: старый строй был разрушен, новый еще не окреп. Обычай, принятый тогда: судить на основе «правосознания», — был уместен и естественен в пору гражданской войны, на другой день после революции, но он ничем не может быть оправдан накануне 50-летия советской власти.*

Реплику Чуковской необходимо оценивать, учитывая обстоятельства, при которых она была произнесена: любое резкое высказывание о времени революции, заложившем основы советского строя, ставило бы под удар не только ее саму, но и осужденных писателей, поскольку подтверждало бы антисоветские настроения их самих и их защитников. Однако выбор осторожных формулировок, соположение беззакония революции и ее «героизма, величия» свидетельствуют о том, что в обществе не было языка для критической

1 Письмо было отправлено Чуковской руководству Союза советских писателей и в редакции центральных советских газет, но не было опубликовано в СССР вплоть до перестройки. Тем не менее оно было широко известно благодаря хождению в самиздате и публикации в эмигрантской печати.

2 До принятия первого Уголовного кодекса РСФСР.

оценки революционного насилия[1]. Дискуссии о дегуманизации, которую принесла с собой революция, начались лишь на рубеже 1960–1970-х[2].

В годы «оттепели», напротив, образы революции и Гражданской войны, произведения авангардного искусства 1920-х стали символами свободы и творчества, гарантом возможного избавления от пережитков сталинской эпохи. К примеру, один из героев кинофильма «Застава Ильича», ищущий себя молодой человек, на вопрос, есть ли у него вещи, о которых он может говорить серьезно, среди прочего, перечисляет революцию, песню «Интернационал» и 37-й год. Революция для него — одна из тех констант, которые невозможно поставить под вопрос в мире, все больше склоняющемся к ироничному восприятию действительности и к относительности любых истин. Герои революции становились для потомков тем моральным идеалом, которым необходимо поверять свое повседневное поведение[3]. Британский историк Юлиане Фюрст сравнила такое обращение к революционному наследию с христианскими практиками изучения житийной литературы: образы «советских икон» (мифологизированные биографии реальных революционеров или вымышленных персонажей вроде Павки Корчагина) позволяли не только видеть перед собой идеал, но и постоянно (поскольку он недостижим) двигаться по направлению к нему [Fürst, 2012,



1 Канадский историк литературы Денис Козлов убедительно доказал, что даже для характеристики сталинских репрессий, в оценке которых советская либеральная интеллигенция была гораздо более единодушна, использовались риторические конструкции, предложенные государственной властью («культ личности и его последствия», «1937-й») либо западными советологами («Большой террор») [Kozlov, 2013]. При этом комплекс явлений, обозначаемых терминами-маркерами, не исчерпывался исключительно политическими репрессиями, а включал в себя такие «порожденные культом личности явления», как подавление личности, отсутствие гражданских свобод, лакировку действительности, засилье бюрократии.

2 Кроме распространявшихся в сам- и тамиздате работ А.И. Солженицына стоит упомянуть и самиздатское эссе А.А. Якобсона «О романтической идеологии» (1967), в которой критике подвергались не политические или этические обоснования революционной жестокости, а творчество поэтов 1920-х, создававших миф об «очистительном огне» революции и Гражданской войны.

3 Безусловно, это не было открытием «оттепели» (ср. у Маяковского: «Я себя под Лениным чищу, / Чтобы плыть в революцию дальше»). Все искусство соцреализма основано на предложении читателю/зрителю идеальных образов, с которыми необходимо не пассивно сопоставлять свою жизнь, а активно ее перестраивать сообразно с ними. Культура 1950–1960-х предложила иные стилистические варианты оформления педагогического потенциала искусства. Об «оттепельном мобилизационном проекте» и месте в нем кинофильма «Застава Ильича» см. подробнее [Михайлин, 2015].

р. 112–113]. Интерес к подобным произведениям, безусловно, подогревался не только их воспитательным потенциалом, но и увлекательностью повествования, романтизацией революционной борьбы, самоотверженностью и мужеством культурных героев.

Побочным эффектом такой квазирелигиозной практики могла стать попытка воплотить идеал в жизни — встать во главе собственной революционной организации и приступить к подготовке переворота. Как правило, такой тип поведения был характерен для подростков, чьи политические переживания переплетались с усвоенными из художественной литературы и кинематографа образами революционной борьбы. Так, семнадцатилетняя Лидия Плуме, арестованная в 1956 г. в латвийском городе Тукумсе за распространение листовок, говоря о том, что побудило ее к активным действиям, в числе прочего заявляла, что она прочитала и «правильно поняла книги "Молодая гвардия" и Горького "Мать", когда их прочла»[1]. Практики подпольного сопротивления дореволюционных социалистов, описанные в исторической художественной литературе, становились одновременно средством выражения политического протеста и подросткового бунтарства.

При этом с точки зрения государственной власти «воспитание юношей и девушек на героических традициях революционной борьбы» [XXII съезд, 1962, с. 120] имело целью не только и не столько стимулирование изменений, сколько сохранение существующего режима. Изучение истории революции, участие в посвященных ей ритуалах должно было заставить молодых гражданах СССР испытывать ответственность за свои действия перед героическим прошлым [Уль, 2011]. Тем самым обеспечивалось единство советского народа, реализуемое в преемственности поколений: деды совершили революцию, отцы защитили ее завоевания во Второй мировой войне, детям и внукам оставалось оберегать и приумножать ее наследие. Подпитываемую революционной риторикой энергию нового поколения с разной степенью успешности пытались конвертировать в созидательные усилия на освоении целины, Сибири и Нечерноземья.



Однако рутина комсомольских строек, проблемы с их снабжением, общее несоответствие царивших там порядков идеалам революционной жертвенности рождали вопросы к существующему строю и сомнения в том, является ли он законным наследником Октября. Приехавшая по комсомольскому призыву из Ленинграда на строительство Архангельского целлюлозно-бумажного комбината Людмила Дьяченко, столкнувшись с отсутствием нормальных бытовых усло-

1 Надзорное производство №12633–56 // ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 73838. Л. 7–8.

вий на стройке, общей дезорганизованностью и равнодушием руководящих работников[1], высказывала свое разочарование в письме брату.

> *Я стала совершенно по-другому смотреть на жизнь. У меня возникает масса вопросов. <...> Я пришла к твердому убеждению, что все надо ломать и начинать заново. Я сейчас так представляю путь, пройденный с 1917 года. Это кривая линия — сторона, в которую мы свернули, и теперь снова должны сойти с этой кривой линии и встать снова на прямой путь. Правда, не знаю, что надо сделать. Как бороться? Нужен ли революционный поворот? — не знаю. Поэтому я сейчас сама начала изучать марксизм и притом с диалектического материализма[2].*

Девушка, признававшаяся, что не может «ни на что смотреть спокойными глазами», опасалась кончить «полным разочарованием», поскольку уже к моменту написания письма ее мучал вопрос, «социалистический ли у нас строй». Однако при всей тяжести фрустрации она не сомневалась в том, что революция 1917 года была оправдана, а ответы на мучавшие ее вопросы необходимо искать в работах классиков марксизма.

В сходной ситуации оказалась учительница горьковской вечерней школы Людмила Пожарицкая, которая вместе со своими учениками опубликовала в стенной газете в декабре 1956 г. ряд материалов, критикующих бюрократизм и мещанство. По ее словам, чувство несоответствия окружающей реальности декларируемым идеалам родилось у нее и ее воспитанников после прочтения романа В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым». Одна из самых популярных книг 1956 г. для многих становилась важным аргументом в критике советской системы. Образ косного директора-бюрократа Дроздова воспринимался как олицетворение всей советской государственной бюрократии. Необычным было то, что ученики Пожарицкой увидели в книге призывы к новой революции. В письме в горьковский обком КПСС она требовала освободить учеников из-под стражи [Общество, 2007, с. 320–321].



---

1 Вопрос о положении молодых строителей Архбумкомбината после направленной в ЦК КПСС жалобы рассматривался на заседании обкома партии, после чего некоторые бытовые проблемы были решены. См.: ОДСПИ ГААО. Ф. 1740. Оп. 1. Д. 2471.

2 Письмо Л.Н. Дьяченко к А.Н. Дьяченко от 29.03.1957 // Архив РУФСБ по Архангельской области. Ф. 7. Д. П-17578. Т. 2. Л. 100. Цитируется по копии, хранящейся в архиве Центра изучения Восточной Европы при Университете Бремена. (F. 185 «Сергей Пирогов»).

В апреле 1957 г. Дьяченко познакомилась с С.К. Пироговым и стала одной из участниц кружка, обсуждавшего проблемы текущей политики с позиций югославского неомарксизма. После ареста Пирогова в ее отношении также планировалось возбуждение уголовного дела, однако в итоге она проходила свидетельницей. О «кружке Пирогова» см. далее.

*Ребят увлекла эта идея, они стали мечтать о коммунистической революции.*

*Раз пишут в «толстом» журнале, значит, так должно и быть? Я посоветовала, прежде чем говорить об этом, пристальнее читать Маркса, Энгельса, Ленина. В работе Ленина «Государство и революция» я наткнулась на фразу о том, что по какому пути пойдет развитие от первой фазы строительства коммунизма ко второй — «мы не знаем, и знать не можем». Значит, может быть и революционный путь?*

Материалы стенной газеты были использованы как доказательства вины в создании «антисоветской организации». В том числе к делу было приобщено полемическое стихотворение, обличавшее тех, кто занимал «в разных ОРС-ах[1] теплое место». Его эгалитаристский пафос, требовавший ликвидировать разницу между положением рабочих и государственных служащих, чей достаток позволял им покупать «"Победы", телевизоры, коверкот» [Там же, с. 317], был созвучен идеям, озвученным в ленинской работе «Государство и революция». В ней Ленин, опираясь на проанализированный Марксом опыт Парижской коммуны, одним из условий удержания власти в руках вооруженного пролетариата называл необходимость того, чтобы «общественная служба» исполнялась «за заработную плату рабочего» [Ленин, 1962, с. 42]. Уравнивание всех граждан в экономическом положении должно было застраховать диктатуру пролетариата от реставрации бюрократического буржуазного государства.



В условиях невысокого уровня жизни, дефицита потребления, нехватки жилья и, с другой стороны, номенклатурных привилегий, окончательно оформившихся в годы позднего сталинизма, именно эгалитаристские идеи вызывали симпатии при прочтении Ленина. Они становились весомым доказательством того, что причиной социально-экономических проблем являются не «отдельные упущения и перегибы», а отступление партийных и государственных органов от идеалов Октябрьской революции. Уже на следующем витке размышлений из революционной риторики выкристаллизовывались подлинно революционные вопросы. Какова политическая и классовая сущность советского государства? Соответствует ли она тем идеям, с которыми в 1917 г. большевики захватили власть? Кто является источником государственной власти? Живы ли спустя сорок лет «завоевания Октября», и не вызрели ли в современной ситуации условия для новой революции?

Издававшиеся миллионными тиражами работы классиков марксизма-ленинизма были не единственным, но наиболее доступным

1 Отдел рабочего снабжения — предприятие государственной розничной торговли. Поскольку сотрудники ОРСов работали в системе распределения, они имели привилегированный доступ к дефицитным товарам.

источником ответов на «проклятые вопросы». Работы Маркса, Энгельса, Ленина предлагали разработанный теоретический инструментарий для критического анализа современного общества. Как пользоваться этими инструментами, каждый читатель решал сам[1]. Как правило, чем моложе и чем менее образованным был человек, обращающийся к революционной классике, тем скорее он обнаруживал оправдание необходимости немедленного свержения существующего строя. Так, в апреле 1956 г. в поселке Нухта Плесецкого района Архангельской области за распространение листовок был арестован 25-летний моторист электростанции (и недоучившийся студент одного из московских вузов) Борис Генерозов[2]. Также он написал, но не отправил Н.С. Хрущеву письмо, в котором требовал у первого секретаря ЦК КПСС на деле доказать верность заветам Ленина и передать «всю власть советам, т. е. местным советам депутатов трудящихся». В случае невыполнения требований Генерозов предупреждал Хрущева о возможности «ненужных кровопролитий» [Аксютин, 2004, с. 177]. После задержания Генерозов был отправлен на принудительное психиатрическое лечение без предъявления официального обвинения[3].



Те же проблемы — социальное расслоение в СССР, фактическое безвластие советов при том, что именно они являлись органами государственной власти, отсутствие гражданских свобод — волновали студента философского факультета ЛГУ Михаила Молоствова. Обучаясь на последнем курсе университета, он начал работу над политико-философским трактатом *Status Quo*. Размноженное на пишущей машинке в четырех экземплярах произведение обсуждалось на дружеских посиделках в Ленинграде, а после отъезда Молоствова по распределению в Омск — по переписке. Этого хватило для того, чтобы осудить его и трех однокурсников, участвовавших в дискуссии, как участников «антисоветской организации».

Толчком к написанию трактата стало разоблачение «культа личности» на XX съезде КПСС. Соглашаясь с осуждением политических репрессий 1930–1950-х, Молоствов [1956, л. 2] не считал Сталина единственным их виновником.

---

1 В какой-то мере самодеятельное изучение классиков марксизма-ленинизма, порождающее вольные трактовки, можно сравнить с народными религиозными движениями периода Реформации, предлагавшими неортодоксальные трактовки Библии.

2 В книге Ю.В. Аксютина ошибочно назван Генераловым.

3 Архивная справка № 10/П-2161 Архива регионального управления Федеральной службы безопасности по Архангельской области от 3 апреля 2012 // Архив автора.

*Дело не в культе личности, культ личности можно было заменить культом двуличности или, если угодно, культом безликой коллективной мудрости — это формы, скрывающие суть: неучастие народа в управлении государством. В стране, где нет других классов, кроме рабочих и крестьян, где отсутствует частная собственность, отсутствие демократии (народовластия) парадоксально. Парадоксально, но факт.*

Опираясь на «Государство и революцию» В.И. Ленина, Молоствов шел в своей критике дальше призывов к уравниванию в зарплате рабочих и государственных служащих. Как и для Ленина, этот вопрос был для него важен, но не являлся ключевым. Значение социалистической революции (а классовую природу Октября 1917 года Молоствов не ставил под сомнение) он видел не в смене одного правительства другим, а в установлении принципиально нового способа управления государством — диктатуры пролетариата.

На момент написания «Государства и революции» (август-сентябрь 1917 г.) диктатура пролетариата была для Ленина скорее теоретической конструкцией, объясняющей, каким образом произойдет переход от буржуазного государства к коммунистическому обществу. Непосредственным воплощением пролетарской диктатуры представлялись советы рабочих и солдатских депутатов, призванные заменить собой бюрократический аппарат государства и регулярную армию. После революции и методичной большевизации советов в РСФСР, а затем и в Советском Союзе был выстроен новый государственный аппарат, в котором органы собственно государственной власти оказались подчинены Коммунистической партии, а вместо непосредственного участия трудящихся в управлении государством разрастался и креп слой государственной и партийной бюрократии.



Критика «совбюрократии» началась еще при жизни Ленина, но законченную форму обрела в работе Л.Д. Троцкого «Преданная революция», в которой он объяснял приход Сталина к власти тем, что тот был выразителем интересов партийно-государственной бюрократии [Троцкий, 1991, с. 90–97]. Несмотря на то что Молоствов также видел «культ личности» следствием, а не причиной обюрокрачивания советской системы, на момент написания своего труда он вряд ли был знаком с работами Троцкого, написанными в эмиграции. На одном из допросов он утверждал, что знания о политических взглядах Троцкого были почерпнуты им из книги «Сталин» Анри Барбюса[1]. Это можно было бы расценить как линию собствен-

1 Протокол допроса М.М. Молоствова от 23 сентября 1958 г. Цит. по копии следственного дела, хранящейся в архиве Научно-информационного центра «Мемориал».

ной защиты перед следствием — работы Троцкого были запрещены в СССР, и знакомство с ними могло стать дополнительным пунктом обвинения. Но и в «Status quo» Молоствов не высказывал симпатий к Троцкому, считая его в соответствии с «Завещанием Ленина» потенциально не менее опасной для партии альтернативой Сталину. Более того, выстроенный Сталиным политический режим был охарактеризован им как «ленинизм на словах, троцкизм на деле, плюс экзотически-восточная жестокость и самохвальство деспота» [Молоствов, 1956, л. 5].

Работа «Status quo» заканчивалась короткой манифестарной частью [Молоствов, 1956, л. 23–24].

> *4) Чего мы хотим?*
> *<...>*
> *Восстановление власти Советов! Воссоздание ленинской партии! Рабочий контроль над производством — безразлично, в какой форме: или через рабочие советы, как в Югославии и Польше, или через передачу государственных функций профсоюзам как в Китае! Демократия вместо бюрократии! Распределение только по труду! Оклады государственных служащих — не выше среднего заработка квалифицированного рабочего! И пр., и пр., и пр.*



При этом ни Молоствов, ни читатели его трактата не планировали немедленно воплощать положения манифеста в жизнь. Материалы уголовного дела, возбужденного в отношении «группы Молоствова», не содержат никаких указаний на то, что революционное выступление вообще рассматривалось ими в качестве возможного политического действия. Молоствов явно предпочитал легальные методы работы, не считая, что занимается чем-либо противозаконным. Ряд положений трактата он обсуждал со студентами на занятиях в Омском сельскохозяйственном институте, а к 40-летнему юбилею Октябрьской революции опубликовал в областной газете статью, посвященную вдохновлявшему его «гениальному труду В.И. Ленина», в котором конспективно были изложены казавшиеся Молоствову наиболее важными пункты «Государства и революции» [Гумницкий, Молоствов, 1957]. Несмотря на умеренный тон статьи, ее публикации в «Омской правде» предшествовало обсуждение в местном обкоме КПСС. Дело в том, что редактор газеты обвинил Молоствова в контрреволюционности из-за высказанных в ней симпатий к Венгерскому восстанию 1956 года[1].

1 Протокол допроса М.М. Молоствова от 4 сентября 1958 г. Цит. по копии следственного дела, хранящейся в архиве Научно-информационного центра «Мемориал».

## Октябрь 1956 года. События в Восточной Европе как живой пример революционного процесса

События в Венгрии осени 1956 г. имели большой отклик в СССР преимущественно в среде молодежи и интеллигенции. Однако в силу скупости и фрагментарности сообщений о восстании, их идеологической ангажированности (как официальной советской прессы, так и вещавших на русском языке западных радиостанций) беспристрастный анализ событий был затруднен. Зато обсуждение «Венгерской осени» давало возможность сформулировать свои позиции по более широкому кругу политических вопросов.

Многие симпатизировавшие повстанцам граждане СССР могли бы согласиться с Ханной Арендт в том, что Венгерская революция явила «подлинный момент совместного действия» [Arendt, 1958, p. 26]. На несколько недель реальное политическое и хозяйственное управление на местах оказалось в руках спонтанно возникавших революционных и рабочих советов. Прежний государственный аппарат лишился политического влияния, управление государственной безопасностью прекратило свою деятельность, а регулярная армия поддержала восставших. На глазах современников происходил подлинно революционный процесс, отменивший прежние политические конвенции и прерванный второй советской интервенцией на пути к возможному установлению новых.



Однако если для Арендт [2000, с. 285–287] деятельность венгерских советов была образцом внеидеологичного «политического порыва», ее советские современники смотрели на события в Венгрии с принципиально иных позиций. Во-первых, исторический материализм, в котором они были воспитаны, не отделял требования гражданских свобод от призывов к решению экономических проблем. Во-вторых, сложившиеся представления о мировой истории, за редким исключением, не позволяли изъять событие Венгерской революции из контекста истории революционного движения в том виде, в котором она преподавалась в СССР. Поэтому антикоммунистический характер восстания воспринимался как борьба со сталинистской бюрократией.

Венгерская революция демонстрировала практическое решение проблем, сформулированных Лениным в «Государстве и революции». Более того, она показывала, как изначально аполитичные объединения типа литературно-дискуссионного «Кружка Петёфи», действовавшего с 1954 г. под эгидой Союза трудящейся молодежи, превращаются в площадки для формулирования политических программ. Возможность неконтролируемой политизации вызывала серьезные опасения у представителей КПСС. Чуть более чем через месяц после подавления Венгерского восстания в местные ор-

ганы партии было разослано закрытое письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских элементов», послужившее своеобразным сигналом к ограничению независимости дискуссионных клубов и различных кружков (в первую очередь литературных), действовавших при учебных заведениях и комсомольских организациях. Вторым и более серьезным следствием письма стала наиболее массовая в послесталинском СССР волна арестов по политическим статьям. Заметную часть арестованных составляли участники «антисоветских организаций». Впрочем, для преследования по групповому делу было достаточно того, что «антисоветские» идеи обсуждались группой лиц на дружеских встречах, как в случае с Л. Пожарицкой, или в частной переписке («группа Молоствова»).

Своеобразным промежуточным звеном между дружеской компанией, «превращенной» в антисоветскую организацию следователями КГБ, и подпольной группой, ставящей вопрос о необходимости революционных преобразований, можно считать квартирные семинары, с большей или меньшей регулярностью собиравшиеся для обсуждения вопросов истории, экономики и текущей политики. В какой-то степени эта форма работы наследовала кружкам самообразования, действовавшим в XIX — начале XX века в Российской империи. Образовательные программы дореволюционных кружков были неотделимы от политических платформ, на которых стояли их участники. Также и семинары второй половины 1950-х не были аполитичны, например, за компанией, сформировавшейся в Ленинграде вокруг аспиранта-историка Виктора Шейниса, в воспоминаниях закрепилось название «кружок марксистов».



Борис Вайль, знакомый с участниками кружка Шейниса, но арестованный за участие в другой «антисоветской организации», вспоминал, что его приятели «решили внимательно изучать как теорию марксизма, так и историю КПСС. Для начала они стали разыскивать стенограммы всех съездов и конференций этой партии, начиная с первого. Тогда это была нелегкая задача, хотя именно в то время Политиздат начинает понемногу издавать и переиздавать эти документы» [Вайль, 1980, с. 160]. Очевидно, их более исторический, нежели практический интерес к революции и то, что они своевременно уничтожили «архив» (участники кружка допрашивались в качестве свидетелей по делам групп Р. Пименова и С. Пирогова и опасались возможного ареста), позволили участникам кружка остаться на свободе.

О семинарах «кружка марксистов» органам КГБ стало известно, в частности, из перехваченного письма, адресованного Шейнису и его жене Алле Назимовой их другом Сергеем Пироговым. Молодые люди были знакомы со времен обучения в Ленинградском

университете, Пирогов был распределен в родной ему Архангельск. Там весной 1957 г. он организовал кружок из ленинградских комсомольцев, прибывших на строительство целлюлозно-бумажного комбината. Летом собрания кружка продолжились в Ленинграде. В письме Пирогов просил Шейниса и Назимову помогать «его подопечным» консультациями и подбором литературы. Смысл работы кружка не исчерпывался, по его мнению, простым просвещением, а должен был предшествовать активным действиям.

> *Время массовой работы еще не пришло. Но его надо подготовить, оно может придти в любой момент (хотя с другой стороны, может и не придти очень долго). Надо — и возможно, мне кажется — вести работу кружков (кружок друзей). Лозунгом таких кружков надо сделать: «знание — сила». Оптимизм, вера в будущий социализм — это результат убеждений, большого знания*[1].

На собраниях кружка, план занятий которого Пирогов переслал в письме, он последовательно критиковал экономические и идеологические основы государственной власти в СССР. Однако в отличие от Молоствова, рассуждая об отчуждении трудящихся от государственного управления, Пирогов анализировал экономические основы этого отчуждения. По его мнению, при Сталине в СССР был установлен государственно-монополистический капитализм, при котором бюрократия стала классом-эксплуататором, поскольку именно она распоряжалась находящимися в государственной собственности средствами производства и организовывала распределение. Говоря о «перерождении партии», Пирогов также приближался ко взглядам Троцкого, но расходился с ним по вопросу об экономическом базисе сталинской диктатуры — Троцкий не считал экономический строй СССР государственным капитализмом, поскольку тот предполагает наличие крупной частной собственности [Троцкий, 1991, с. 203–205].



Пирогов вообще избегал упоминания Троцкого (насколько об этом можно судить по его показаниям на следствии и сохранившимся в деле фрагментам его собственных работ), хотя явно с симпатией относился к идеям «левой оппозиции» в ВКП(б). Он предпочитает говорить не о «троцкизме» и не о «левом уклоне», что также имело негативные коннотации, но о «зиновьевско-каменевском (=ленинском) авангарде»[2]. Очевидно, это свидетельствует о том, что в политическом словаре молодых марксистов, родившихся в СССР в 1930-х, слово

1 Письмо С.К. Пирогова В.Л. Шейнису и А.К. Назимовой от 21.08.1957 г. Цитируется по копии, хранящейся в архиве Центра изучения Восточной Европы при Университете Бремена. (F. 185 «Сергей Пирогов»).

2 Письмо С.К. Пирогова В.Л. Шейнису и А.К. Назимовой от 21.08.1957 г.

«троцкизм» оставалось стигмой, которой маркировались отступления от верного («ленинского») курса коммунистической партии.

Дело Пирогова демонстрирует еще один источник вдохновения идеями революционных преобразований помимо истории Коммунистической партии — это система социалистического самоуправления, реализованная в Федеративной народной республике Югославии. В ходе реформ начала 1950-х управление народным хозяйством ФНРЮ фактически было передано системе рабочих советов, а Союз коммунистов Югославии в отличие от Коммунистической партии Советского Союза не стремился полностью подчинить себе органы государственного управления. Опыт югославских рабочих советов представлялся наглядным примером возможного решения проблем, связанных с диспропорциями распределения и бюрократизацией государственного аппарата. Так, учитель русского языка Сергей Бернадский, также арестованный за антисоветскую агитацию и пропаганду в 1957 г., по показаниям свидетелей восхищенно рассказывал коллегам о том, что «в некоторых странах ...существуют рабочие советы, и что это — самый демократический вид управления промышленностью, государством... у нас такого управления нет, трудящиеся не принимают у нас участия в управлении государством, и что государством руководят без участия рабочих и народа»[1]. В отличие от отечественных советов, дискредитировавших себя последовательным неучастием в политической жизни с начала 1920-х, и венгерских революционных советов, просуществовавших в течение нескольких недель революции, органы социалистического самоуправления в ФНРЮ выглядели реальной альтернативой традиционному государственному аппарату.



Поддержка, открыто высказывавшаяся югославским правительством венгерским повстанцам, привела к очередному охлаждению отношений между СССР и ФНРЮ, но этот поворот не привел к антиюгославской кампании, подобной шельмованию «кровавой клики Тито–Ранковича» в последние годы правления Сталина [Стыкалин, 2015]. Более того, позиция югославских коммунистов настолько подробно освещалась в советской прессе, что уже критические материалы могли стать источником вдохновения для критики советского строя. Удивительно ли, что напечатанная в журнале «Коммунист», пусть и с разоблачительным комментарием, статья Эдварда Карделя [1956, с. 40], в которой он утверждал, что «в последних венгерских событиях самое большое удивление вызывает страх коммунистов перед рабочими советами», вошла в «список литературы» кружка Сергея Пирогова.

1 Надзорное производство № 4242-57 // ГАРФ. Ф. 8131. Оп.31. Д. 79208. Л. 8

Близкие анархо-синдикализму идеи рабочего самоуправления подвергались критике не только со стороны советского догматического марксизма. С середины 1950-х последовательным критиком социализма «югославского образца» стал один из лидеров СКЮ Милован Джилас. Эволюция его взглядов во многом созвучна идеологическим исканиям советских оппозиционеров. Начав с критики режима Тито за приверженность сталинским методам управления, к 1957 г. он утвердился в мнении об узурпации политической власти в Югославии партийно-государственной бюрократией. Но если для Ленина, Троцкого и социалистов-подпольщиков 1950-х бюрократизация революционного режима представлялась отступлением от революции, для Джиласа это было ее закономерным итогом. По его мнению, политическая незрелость рабочего класса в таких государствах, как Югославия, Россия или Китай, делала его объектом манипуляций со стороны революционных партий вождистского типа и отчуждало от политического управления уже на самых первых этапах революции. Бенефициаром революций, выступавших под флагом борьбы за права пролетариата, таким образом, становился «новый класс, [который] пришел не для того, чтобы закончить создание нового хозяйственного строя, а для того чтобы установить свой собственный, нужный ему строй и подчинить своей власти общество в целом» [Джилас, 1958, с. 56].



В 1958 г. книга Джиласа «Новый класс», написанная в тюрьме, где он оказался за критику Тито, была переведена на русский язык, и с начала 1960-х ее экземпляры, изданные за границей, появляются в СССР. По справедливому замечанию британского историка Роберта Хорнсби [Hornsby, 2013, p. 139–140], популярность книги, распространявшейся в самиздате, свидетельствовала о растущем разочаровании части советской интеллигенции в идеях коммунизма. В 1963 г. изготовление «двух неполных фотокопий книги Джиласа» инкриминировалось Владимиру Буковскому [2007, с. 141]. «Новым классом» вдохновлялись организаторы Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа — одной из наиболее крупных подпольных организаций, действовавшей в Ленинграде в 1964–1967 гг. Уже название первого раздела их программы — «Марксизм-ленинизм — тоталитарная идеология коммунистической бюрократии» — недвусмысленно отсылало к работе югославского философа [ВСХСОН, 1975, с. 35]. В начале 1980-х Раиса Орлова, проводя среди эмигрантов третьей волны серию интервью об истории самиздата, включила вопрос о знакомстве с работой Джиласа в перечень вопросов, выявляющих эволюцию взглядов ее респондентов[1]. Ответы ее

1 Аудиозаписи интервью и их расшифровки хранятся в архиве Центра изучения Восточной Европы при Университете Бремена (F. 01-086). В настоящее

респондентов показывают, что «Новый класс» наряду с романами Солженицына и Оруэлла становился важной вехой в переходе от социалистических к либеральным позициям.

Однако солидаризация с идеями югославского философа не обязательно свидетельствовала о либеральных или социал-христианских воззрениях. Валерий Ронкин, лидер ленинградской социалистической группы «Колокол», чья программная работа называлась «От диктатуры бюрократии — к диктатуре пролетариата», вспоминал, как на допросах от него добивались признания в знакомстве с трудом Джиласа: «Читая наше следственное дело, мы с удивлением обнаружили листки, на которых половину страницы занимали цитаты из нашей “книжки”, а другую — выдержки из книги М. Джиласа “Новый класс”. Эту книгу мы бегло успели просмотреть незадолго до ареста, когда наш труд был уже написан и размножен. Нас пытались обвинить в плагиате, но мы с Сергеем [Хахаевым, сооснователем группы «Колокол» — *ДК*] гордо отвергли эту напраслину» [Ронкин, 2003, с. 201]. С одной стороны, описанная ситуация свидетельствует о неумении или нежелании следователей разбираться с терминологической омонимией (Ронкин и Хахаев понимали «диктатуру бюрократии» скорее в духе Троцкого), но, с другой, приближает нас к пониманию того, почему произошел отход части критически настроенной интеллигенции от социалистических идей.



В отличие от авторов других зарубежных работ, также критиковавших СССР за подавление личности, нарушение гражданских прав и свобод, социальное расслоение и неэффективность экономики, Джилас был, пусть и разочаровавшимся, но марксистом. Поэтому логика его анализа социалистических режимов была более понятна советским гражданам, привыкшим к марксистской интерпретации исторического процесса. Тоталитарная модель, предложенная им, строилась не на противопоставлении СССР дореволюционной России или западным демократиям, а на анализе эволюции постреволюционного государственного строя. Его советские читатели узнавали в описаниях Югославии знакомые явления общественной и политической жизни и могли провести аналогии между путями, пройденными обоими государствами. Опираясь на идеи Маркса, Ленина и Троцкого и логически развивая их, Джилас высказывал сомнения в неизбежности произошедшей революции и в итоге выходил за пределы марксистской парадигмы. Подобная смена фокуса освобождала читателя от необходимости осознавать собственную причастность к революции и ее наследию в лице су-

время сотрудники программы «История инакомыслия в СССР» НИПЦ «Мемориал» готовят научную публикацию этого корпуса документов.

ществующего политического режима. А уже это позволяло свободно выносить моральные оценки Октябрьской революции и сомневаться в плодотворности социалистического пути развития как такового. Возвращаясь к метафоре «политического конструктора», можно сказать, что книга Джиласа предлагала не готовое интеллектуальное «изделие», но объясняла, как собрать его из доступных деталей, пользуясь широко известным методом.

Примеры политических поисков советских инакомыслящих демонстрируют, что прийти к выводам, аналогичным тем, которые сформулировал Джилас на югославском материале, можно было и не читая «Новый класс». Критический потенциал марксистской теории долгое время позволял задавать острые вопросы существующему государственному строю, оставаясь в одной идеологической парадигме с ним, критикуя его за снижение темпа революционного преобразования общества либо за отступление от провозглашенных в Октябре 1917-го ценностей. Однако то, что критика власти в лучшем случае оставлялась ею без внимания, а в худшем — приводила к репрессиям, заставляло инакомыслящих пересматривать собственные позиции. Несоответствие принципов государственной политики СССР декларируемым идеалам пролетарской диктатуры и подавление попыток демократизации социализма внутри страны и за ее пределами (в Польше и Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии — в 1968 г.) порождало разочарование в идеях социалистического переустройства общества как таковых. Безусловно, в рамках статьи удалось проследить только одну траекторию развития оппозиционной мысли в послевоенном СССР, но представляется крайне важным еще раз указать на то, что переход от догматического марксизма-ленинизма к социал-демократическим идеям и затем к идеологии защиты прав человека мог представлять собой не череду разрывов, а достаточно органичную эволюцию взглядов, в которой каждая следующая ступень критики была диалектически связана с предыдущей.



## Библиография

Аксютин Ю.В. (2004) *Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР 1953–1964 гг.*, М.: РОССПЭН.

Арендт Х. (2000) *Vita activa, или О деятельной жизни*, В. Бибихин (пер.), СПб.: Алетейя.

Буковский В.К. (2007) *«И возвращается ветер...»*, М.: Новое издательство.

Вайль Б. (1980) *Особо опасный*, London: Overseas publications interchange.

ВСХСОН (1975) *Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях*, Paris: YMCA-Press.

Григоренко П. (1981) *В подполье можно встретить только крыс..,* New York: Детинец.

Гумницкий Г., Молоствов М. (1957) Гениальный труд В.И. Ленина о государстве и революции. *Омская правда,* (3 октября): 2.

Джилас М. (1958) *Новый класс. Анализ коммунистической системы,* New York: [Б.и.].

Казаков Е., Рублев Д. (2013) «Колесо истории не вертелось, оно скатывалось». Левое подполье в Ленинграде, 1975–1982. *Неприкосновенный запас,* (91): 156–175.

Кардель Э. (1956). Выступление на сессии Союзной народной скупщины Югославии 7 декабря. *Коммунист,* (18): 35–51.

Конохова А. (2013) «А мы, между тем, начали играть в революцию...»: «марксистское» мышление студенческих диссидентских групп в 1950–1970-х. А. Архипова (сост.) *Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве,* М.: РГГУ: 372–380.

Ленин В.И. (1962) *Государство и революция.* Собр. соч. 5-е изд. Т. 33, М.: Гос. издво полит. литературы.

Магун А. (2003) Опыт и понятие революции. *Новое литературное обозрение,* (64): 54–79.

Маркасова Е. (2008) «А вот практику мы знаем по героям Краснодона...» *Неприкосновенный запас,* (58): 207–219.

Михайлин В. (2015) Апогей и крах «оттепельного» мобилизационного проекта в фильмах «Застава Ильича» М. Хуциева и «Три дня Виктора Чернышева» М. Осепьяна. *После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. Материалы конференции*, М.: РОССПЭН: 524–537.

Молоствов М. (1958) *Status quo.* РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 109. Л. 64–84.

Новиченко И. (2009) Советская власть и неформальные объединения граждан. *Социальная история. Ежегодник,* 2008, СПб.: Алетейя: 164–186.

Родос В. (2008) *Я — сын палача: Воспоминания*, М.: ОГИ.

Ронкин В. (2003) *На смену декабрям приходят январи...: Воспоминания бывшего бригадмильца и подпольщика, а позже политзаключенного и диссидента,* М.: Звенья.

Сергеев В. (2012) К вопросу об идеологии группы Краснопевцева–Ренделя. *Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки»,* (3): 98–103.

Стыкалин А. (2015) «Наша критика не должна вылиться в крикливую перепалку». Югославский «ревизионизм» в советской прессе конца 1950-х. *Мир истории* (1) http://www.historia.ru/2015/01/2015-01-stykalin.htm#_edn4

Троцкий Л. (1991) *Преданная революция,* М.: НИИ культуры Министерства культуры РСФСР.

Хрущев Н. (1989) О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. *Известия ЦК КПСС*, (3): 128–170.

Чуковская Л. (1966) Михаилу Шолохову, автору «Тихого Дона». *Русская мысль,* (29 ноября): 2.

Уль К. (2011) Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели». *Антропологический форум*, (15): 270–326.

*XXII съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет* (1962). В 2 т. Т. 1, М.: Госполитиздат.

Alexeeva L. (1985) *Soviet Dissent: Contemporary Movements for National, Religious, and Human Rights*, Middletown: Wesleyan University Press.

Arendt H. (1958) Totalitarian Imperialism: Reflections on the Hungarian Revolution. *The Journal of Politics*, 20 (1): 5–43.

Fürst J. (2006) Friends in Private, Friends in Public: The Phenomenon of the Kompania Among Soviet Youth in the 1950s and 1960s. L. Siegelbaum (ed.). *Borders of Socialism*, New York: Palgrave Macmillan: 229–250.

Fürst J. (2012) *Stalin's Last Generation. Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*, Oxford: OUP.

Hornsby R. (2013). *Protest, reform and repression in Khrushchev's Soviet Union*, Cambridge UP.

Kozlov Den. (2013) Remembering and explaining the terror during the Thaw: Soviet readers of Erenburg and Solzhenitsyn in the 1960s. Kozlov Den., Gilburd E. (ed.) *The Thaw Soviet society and culture during the 1950s and 1960s*, Toronto: Univ. of Toronto press: 176–230.

Vaissié C. (1999) *Pour votre liberté et pour la nôtre. Le combat des dissidents de Russie*, Paris: Robert Laffont.



## References

Aksiutin Iu. (2004) *Khrushchevskaia «ottepel'» i obshchestvennye nastroeniia v SSSR 1953–1964 gg. [Khrushchev "Thaw" and the Public Mood in the USSR, 1953–1964]*, M.: ROSSPEN.

Alexeeva L. (1985) *Soviet Dissent: Contemporary Movements for National, Religious, and Human Rights*, Middletown: Wesleyan University Press.

Arendt H. (1958) Totalitarian Imperialism: Reflections on the Hungarian Revolution. *The Journal of Politics*, 20 (1): 5–43.

Arendt H. (2000) *Vita activa, ili O deiatel'noi zhizni*. V. Bibikhin (trans), SPb.: Aleteiia.

Bukovsky V. (2007) «I vozvrashchaetsia veter...», M.: Novoe izdatel'stvo.

Chukovskaia L. (1966) Mikhailu Sholokhovu, avtoru «Tikhogo Dona» [To Mikhail Sholokhov the Author of "And Quiet Flows the Don"], *Russkaia mysl' [Russian Thought]*, (November 29): 2.

Fürst J. (2006) Friends in Private, Friends in Public: The Phenomenon of the Kompania Among Soviet Youth in the 1950s and 1960s. L. Siegelbaum (ed.). *Borders of Socialism*, New York: Palgrave Macmillan: 229–250.

Fürst J. (2012) *Stalin's Last Generation. Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*, Oxford: OUP.

Grigorenko P. (1981) *V podpol'e mozhno vstretit' tol'ko krys... [In underground one can meet only rats...]*, New York: Detinets.

Gumnitskii G., Molostvov M. (1957) Genial'nyi trud V.I. Lenina o gosudarstve i revoliutsii [Vladimir Lenin's Genius Work on the State and the Revolution]. *Omskaia pravda [The Truth of Omsk]*, (October 3): 2.

Hornsby R. (2013). *Protest, reform and repression in Khrushchev's Soviet Union*, Cambridge UP.

Djilas M. (1958) *Novyi klass. Analiz kommunisticheskoi sistemy [The New Class: An Analysis of the Communist System],* New York.

Kazakov E., Rublev D. (2013) «Koleso istorii ne vertelos', ono skatyvalos'». Levoe podpol'e v Leningrade, 1975–1982 ["The Wheel of History Did Not Turn. It Rolled Down". The Left Underground in Leningrad, 1975–1982]. *Neprikosnovennyi zapas [Emergency Reserves]* (91): 156–175.

Kardelj E. (1956). Vystuplenie na sessii Soiuznoi narodnoi skupshchiny Iugoslavii 7 dekabria [Speech on the Session of Union People Assembly of Yugoslavia, December 7th]. *Kommunist [The Communist],* (18): 35–51.

Khrushchev N. (1989) O kul'te lichnosti i ego posledstviiakh. Doklad XX s"ezdu Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuza [On the Cult of Personality and Its Consequences. Report to the Communist Party of the Soviet Union XX Congress]. *Izvestiia TsK KPSS [News of Central Committee of Communist Party of the Soviet Union],* (3): 128–170.



Konokhova A. (2013) «A my, mezhdu tem, nachali igrat' v revoliutsiiu...»: «marksistskoe» myshlenie studencheskikh dissidentskikh grupp v 1950–1970-kh ["Meanwhile We Began to Play the Revolution. "Marxist" thinking of the Student's Dissident Groups during the 1950–1970s"]. A. Arkhipova (sost.) *Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve [Mythological Models and Ritual Behavior in Soviet and Post-Soviet Space]*, M.: RGGU: 372–380.

Kozlov Den. (2013) Remembering and explaining the terror during the Thaw: Soviet readers of Erenburg and Solzhenitsyn in the 1960s. Kozlov Den., Gilburd E. (ed.) *The Thaw Soviet society and culture during the 1950s and 1960s*, Toronto: Univ. of Toronto press: 176–230.

Lenin V. (1962) *Gosudarstvo i revoliutsiia [The State and Revolution].* Polnoe sobranie sochinenii. 5-e izd [Collected Works. 5th ed.]. T. 33, M.: Gos. izd-vo polit. literatury.

Magun A. (2003) Opyt i poniatie revoliutsii [The Experience and the Notion of Revolution]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer],* (64): 54–79.

Markasova E. (2008) «A vot praktiku my znaem po geroiam Krasnodona...» [And the Practice We Learned from the Heroes of Krasnodon...] *Neprikosnovennyi zapas [Emergency Reserves],* (58): 207–219.

Mikhailin V. (2015) Apogei i krakh «ottepel'nogo» mobilizatsionnogo proekta v fil'makh «Zastava Il'icha» M. Khutsieva i «Tri dnia Viktora Chernysheva» M. Osep'iana [The Pinnacle and the Collapse of the "Thaw" Mobilisation Project. Using the cases of movies "Il'ich Guard" by M. Khutsiev and "Three Days of Viktor Chernyshov" by M. Osep'an]. *Posle Stalina. Reformy 1950-kh godov v kontekste sovetskoi i postsovetskoi istorii. Materialy konferentsii [After Stalin. Reforms of the 1950s in the Context of Soviet and Post-Soviet History. Works of the Conference]*, M.: ROSSPEN: 524–537.

Molostvov M. (1958) *Status Quo.* RGASPI [Russian State Archive of the Social and Political History]. F. 556. Op. 1. D. 109. L. 64–84.

Novichenko I. (2009) Sovetskaia vlast' i neformal'nye ob"edineniia grazhdan [Soviet Power and informal citizens' communities]. *Sotsial'naia istoriia. Ezhegodnik [The Yearbook of Social History]. 2008.* Saint Petersburg: Aleteiia: 164–186.

Rodos V. (2008) *Ia — syn palacha: Vospominaniia [I Am the Son of the Executioner. The Memoires],* M.: OGI.

Ronkin V. (2003) *Na smenu dekabriam prikhodiat ianvari...: Vospominaniia byvshego brigadmil'tsa i podpol'shchika, a pozzhe politzakliuchennogo i dissidenta [Januaries come to Replace Decembers... Memoires of former Community Support Police Officer and Conspirator and Further Political Prisoner and Dissident],* M.: Zven'ia.

Sergeev V. (2012) K voprosu ob ideologii gruppy Krasnopevtseva–Rendelia [To the Question of Ideology of the group of Krasnopevtsev and Rendel']. *Vestnik MGOU. Seriia «Istoriia i politicheskie nauki» [Messenger of Moscow Regional State University. "History and Political Science" Series],* (3): 98–103.

Stykalin A. (2015) «Nasha kritika ne dolzhna vylit'sia v kriklivuiu perepalku». Iugoslavskii «revizionizm» v sovetskoi presse kontsa 1950-kh ["Our Critics Should Not Transform to Squalling Skirmish". Yugoslavian "Revisionism" in Soviet Periodicals of the end of the 1950s]. *Mir istorii [The World of History]* (1). http://www.historia.ru/2015/01/2015-01-stykalin.htm#_edn4

Trotsky L. (1991) *Predannaia revoliutsiia [Betrayed Revolution],* M.: NII Kul'tury Ministerstva kul'tury RSFSR.

Uhl K. (2011) Pokolenie mezhdu «geroicheskim proshlym" i «svetlym budushchim": rol' molodezhi vo vremia «ottepeli» [The Generation in-between "Heroic Past" and "Bright Future": the Role of the Youth during the "Thaw"]. *Antropologicheskii forum [Anthropologic Forum],* (15): 270–326.

Vail' B. (1980) *Osobo opasnyi [Especially Dangerous],* London: Overseas publications interchange.

Vaissié C. (1999) *Pour votre liberté et pour la nôtre Le combat des dissidents de Russie*, Paris: Robert Laffont.

VSKhSON (1975) *Vserossiiskii sotsial-khristianskii soiuz osvobozhdeniia naroda. Programma. Sud. V tiur'makh i lageriakh [All-Rusian Social-Christian Union of People Liberation. Program. Trial. In Prisons and Camps],* Paris: YMCA-Press.

*XXII s"ezd Kommunisticheskoi Partii Sovetskogo Soiuza. 17–31 oktiabria 1961 goda. Stenograficheskii otchet (1962) [XXII Congress of the Communist party of the Soviet Union. 17–31.10.1962. Stenographical report].* T. 1. V 2 t., M.: Gospolitizdat.



**Рекомендация для цитирования/For citations:**

Козлов Д.С. (2017) Две революции, две составные части политического инакомыслия эпохи «оттепели». *Социология власти*, 29 (2): 153-177.

Kozlov D.S. (2017) The Two Revolutions and Two Component Parts of Political Dissent of the "Thaw" Period. *Sociology of power*, 29 (2): 153-177.